

В. П. Курылев

ОБ ОБЩИННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ДЕРЕВНЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Общинные отношения в турецкой деревне почти не изучены¹. В предлагаемой статье делается попытка на основании этнографических данных² наметить хотя бы некоторые основные черты этих отношений.

В настоящее время все пахотные и другие обрабатываемые земли в Турции являются, как правило, частной собственностью отдельных крестьянских семей (в данном случае речь не идет о помещичьем землевладении), тогда как пастбища и луга, номинально являясь государственными, фактически остаются в пользовании всей деревни³.

Ряд исследователей (М. Г. Гёкгёл, В. Рубен, И. Хюсрев и др.) отмечали существование в 1930—1940-х годах в некоторых деревнях восточных районов страны общинной собственности на пахотные земли, которые периодически, через определенные промежутки времени подвергались переделу. Так, турецкий автор М. Гёкгёл в работе, относящейся к 1930-м годам, писал, что в деревне Паслы, расположенной между Ардаганом, Карсом и Ыгдыром (Восточная Турция), крестьяне считали всю землю общей собственностью и перераспределяли ее каждый год между собой⁴. О переделах земли раз в три года в том же районе сообщал немецкий исследователь В. Рубен. Он также писал, что в вилайете Чорум (Центральная Анатолия) есть деревни, где земли считаются общими и их разделом ведаёт шиитский глава — «алеви бабасы»⁵. Турецкий экономист И. Хюсрев указывал, что в некоторых районах Восточной Анатолии в конце XIX — начале XX в. крестьяне пользовались землей сообща. Никто не мог считать себя полноправным хозяином

¹ В русской и советской литературе нет работ, посвященных данной теме. Исключение представляет статья: И. И. Соколов, Быт крестьян в дореформенной Турции, «Новый Восток», 1926, № 13—14. В то же время о сельской общине в Малой Азии в более ранние периоды имеется довольно обширная литература. См.: Э. А. Менабде, Хеттское общество. Экономика, собственность, семья и наследование, Тбилиси, 1965; Р. Таубеншлаг, Сельские общины в романизованных провинциях Востока времени Диоклетиана, «Византийский временник», т. III, М., 1958; Е. С. Голубцова, Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III веках (независимая сельская община), М., 1962; И. С. Венцицкая, Некоторые черты экономического развития Западной Малой Азии в системе Римской империи, «Вестник древней истории», 1956, № 2; А. П. Каздан, Византийское сельское поселение, «Византийский временник», т. II, 1949, и др.

² Эти данные (подчас очень разрозненные и неполные) почерпнуты из публикаций западноевропейских и главным образом турецких авторов, проводивших полевые исследования в различных районах Турции.

³ N. Helburn, A stereotype of agriculture in semiarid Turkey, «Geographical Review», July, 1955, p. 380; G. M. West, Agricultural development in Turkey, Washington, 1958, p. 14; S. Bodur, Agrar-geographische und wirtschaftliche Verhältnisse der türkischen Landwirtschaft, Giessen, 1962, S. 38; P. Stirling, Turkish village, London, 1965, p. 29, 48, 49.

⁴ M. Gököl, Şimali-Şarkî Anadolu yaylasında ziraat araştırmaları, Ankara, 1937, s. 16.

⁵ W. Ruben, Anadolunun yerleşme tarihi ile ilgili görüşler, «Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi», cilt V, sayı 4, 1947, s. 374.

земли, которую он обрабатывал. Эта земля подвергалась периодическому переделу раз в три года. И. Хюсрев сообщает также, что и позднее положение не изменилось. Он отмечает еще одну интересную деталь: в этих восточноанатолийских деревнях сады и огороды, расположенные близ домов, т. е. приусадебные участки, находились в частной собственности, а остальные земли — пастбища, пашни, луга и т. д. — являлись общедеревенскими и ими распоряжались сообща⁶. Очевидно, И. Хюсревом описан один из районов, где существует или по крайней мере существовало до недавнего времени общинное право на пахотную землю. Это как раз те области, которые с 1878 г. входили в состав Российской империи. В связи с этим невольно возникает вопрос: не повлияли ли русские порядки на более устойчивую консервацию общинных отношений? К сожалению, ни имеющиеся материалы, ни рамки данной статьи не позволяют подробно остановиться на этой проблеме. С другой стороны, В. Рубен сообщает о существовании общинного передела пашен в деревнях вилайета Чорум, который находится в Центральной Анатолии, где ни о каком русском влиянии говорить нельзя⁷. В добавление к этому нужно сказать, что несмотря на то, что пахотные земли в современной Турции почти повсеместно находятся в частном владении крестьянских хозяйств, во многих деревнях еще живут архаические общинные традиции. Во-первых, почти всюду принято пасти общее стадо деревни по жнивью после уборки урожая. Это вынуждает всех односельчан засеивать поля одной и той же сельскохозяйственной культурой, чтобы урожай созрел и был снят одновременно. Во-вторых, при господстве в Турции двухпольной системы поле под паром, как правило, становится на год общедеревенским пастбищем, что также вынуждает крестьян к определенному чередованию культур. Следовательно, частные владения крестьян в тот период, когда они находятся под паром или жнивьем, переходят в общественное пользование⁸.

Материалы позволяют проследить постепенную эволюцию этого интересного явления. Так, по сообщению И. Хюсрева, в некоторых деревнях Карсского вилайета в 1930-х годах бытовало еще общинное владение землей, и односельчане обязаны были выращивать одинаковые сельскохозяйственные культуры, проводить посев и уборку в одно время, чтобы сразу же после сбора урожая начать пасти стада по жнивью. Даже тогда, когда пашни перешли в частную собственность, положение не изменилось, так как все село по-прежнему продолжало выращивать одинаковые культуры (например, пшеницу), и односельчане должны были убирать урожай одновременно и затем пасли скот по жнивью. Так же они пасли скот по пару⁹. С развитием же земледелия и переходом на такие культуры, как кукуруза, кунжут и т. п., условия выпаса общего стада по жнивью меняются. Так, если раньше при посеве пшеницы в деревне вилайета Анталья (Юго-Западная Анатолия) общее стадо паслось с июля по декабрь, т. е. почти полгода, то при разведении кукурузы, кунжута и других летних культур сроки пастьбы сократились до минимума — одного-двух месяцев. С внедрением же хлопководства как основной сельскохозяйственной культуры пастьба по пару исчезла совсем, так как поле теперь занято круглый год¹⁰. Это обстоятельство,

⁶ I. Hü s r e v, Türkiye köy iktisadiyatı, Ankara, 1934, s. 26.

⁷ W. R u b e n, Указ. раб., стр. 373.

⁸ X. de P l a n h o l et H. İ n a n d ĩ k, Etudes sur la vie de montagne dans le sud-ouest de l'Anatolie, Le Yeşil Göl Dağ et le Boz Dağ «Revue géographique Alpine», t. XLVII, 1959, N 3, p. 384; N. H e l b u r n, Указ. раб., стр. 380; P. S t i r l i n g, Указ. раб., стр. 35, 48. Описанное явление характерно для сельской общины многих стран как Запада, так и Востока.

⁹ I. Hü s r e v, Указ. раб., стр. 28.

¹⁰ X. de P l a n h o l, De la plaine Pamphylienne aux lacs Pisidiens. Nomadisme et vie paysanne, Paris, 1958, p. 286.

а также уменьшение площадей под пастбищами и лугами привели к значительному сокращению поголовья скота в деревнях Турции.

О живучести и устойчивости общинных традиций в турецкой деревне свидетельствует еще одно обстоятельство, о котором сообщает английский исследователь П. Стирлинг. Крестьяне, юридически имея право продавать свою пахотную землю любому покупателю, на практике продают ее только кому-нибудь из своих родственников или близких соседей, в крайнем случае односельчанину. П. Стирлинг, который проводил исследование в двух деревнях вилаета Кайсери (Центральная Анатолия) в течение двух лет, отмечает, что он не может припомнить ни одного случая, когда бы земля была продана человеку, совершенно чуждому для данной деревни. По его же словам, крестьяне, которые по тем или иным причинам не могут сами обрабатывать свою землю, фактически не продают ее, а передают, уступают право пользоваться участком своему родственнику или близкому соседу, ежегодно получая от него в качестве компенсации определенную долю урожая. Как правило, случаи продажи, вернее передачи земель в деревнях, никаким образом юридически не оформляются¹¹.

Для турецкого земледелия характерна большая чересполосица. Н. Хелберн пишет, что в современной Турции крестьянские владения раздроблены на мелкие участки, которые расположены в разных местах¹². Довольно часто мелкий землевладелец, как пишет Р. Актан, обрабатывает от пяти до десяти и даже больше разрозненных клочков земли¹³. По данным сельскохозяйственной переписи 1950 г., в Турции у 5,4% всех крестьянских хозяйств надел не был раздроблен на изолированные участки, у 34,6% хозяйств имелось по два-четыре участка, у 37,4% хозяйств — по пяти-десяти, а 22,6% хозяйств владели более чем десятью участками¹⁴.

Одну из причин такого большого дробления участков можно видеть в тщательной классификации земель по плодородию, увлажненности, отдаленности от деревни и ряду других признаков, которые, как известно, принимаются во внимание при общинных переделах земли.

Французский исследователь К. Делаво провел полевые работы в деревне Юрюк-Яйла. В этой деревне, как он сообщает, орошаемые земли разбиты на 100 участков, а неорошаемые на 650 участков. К. Делаво считает одной из причин дробления земли существовавшие ранее при общинных порядках совместную оценку и периодический передел пашни, которую делили, строго учитывая плодородие, удобство расположения и другие качества земли¹⁵.

Расширение пахотных земель в современной Турции в значительной степени происходит за счет распашки пастбищ, находящихся в коллективном пользовании всей деревни. Турецкие экономисты Р. Келес и О. Тюркей, подводя итоги обследования 22 деревень различных районов страны, в которых были увеличены площади пахотных земель, пришли к заключению, что в 10 из них (т. е. почти в половине) это увеличение произошло за счет пастбищ и лугов¹⁶. Американский ученый К. Вест в работе, посвященной вопросам развития сельского хозяйства в Турции, сообщает, что с 1949 по 1954 гг., т. е. за пять лет, площадь под пастбищами в стране сократилась на одну шестую¹⁷.

¹¹ P. Stirling, Указ. раб., стр. 49, 263.

¹² N. Helburn, Указ. раб., стр. 381.

¹³ R. Aktan, Mechanization of agriculture in Turkey, «Land economics», 1957, No 4, p. 274.

¹⁴ «Türkiye ekonomisinde produktivite meseleleri», Ankara, 1958, s. 33.

¹⁵ Cl. C. Delavaud, Monographie du territoire rural de Yörük-Yayla (Phrygie, Turquie), «Annales de géographie», N. 364, nov.-dec., 1958, p. 531.

¹⁶ R. Keleş, O. Türkiye, Köylü gözü ile türk köylerinde iktisadî ve toplumsal değişme, Ankara, 1962, s. 2.

¹⁷ Q. M. West, Указ. раб., стр. 12, 28.

Распашка пастбищ в Турции производится на основании обычного права, согласно которому тот, кто сумеет разработать под посев сельское пастбище, становится хозяином его. Об этом пишут исследователи турецкой деревни П. Стирлинг, Н. Беркес и др.¹⁸ Так, В. Рубен сообщает, что в 1940-х годах в деревне Пынарбашы каждый, кто хотел засеять площадь более обычного, должен был только оповестить об этом своих односельчан¹⁹. Однако в настоящее время в связи с ростом безземелья и нехваткой пастбищ акт распашки общедеревенского пастбища или луга обычно вызывает у односельчан протест. По словам Н. Беркеса, в деревне М. (вилайет Анкара, Центральная Анатолия) многие пытаются тайком распахать степь, расположенную близ деревни. Однако это никому не удается, так как вызывает сопротивление односельчан²⁰. Очень интересные сведения по этому вопросу сообщает П. Стирлинг. Крестьяне деревни Эльбашы вилайета Кайсери только с 1950-х годов стали протестовать против распашки их односельчанами общественных пастбищ (к этому времени стала ощущаться нехватка земли). До 1950-х годов каждый член деревенской общины имел право в случае необходимости производить распашку свободных деревенских земель²¹.

Общинные институты в современной турецкой деревне не ограничиваются рамками земельных отношений. В общедеревенской собственности могут быть мельницы, печи для выпечки хлеба, места для молотбы зерна и т. д. Так, деревня Тырманлар (Юго-Западная Турция) владеет пятью мельницами, в деревне Хал (Юго-Восточная Турция) есть одна печь, в которой односельчане по очереди пекут хлеб²². Надо отметить, что в связи со значительным ростом населения деревень в последние десятилетия уже ощущается острая нехватка общедеревенских мельниц, печей. Этим обстоятельством пользуются деревенские кулаки, которые самостоятельно или же объединившись друг с другом строят мельницы и получают от них значительный доход. Например, ряд зажиточных семейств нескольких деревень вилайета Кайсери объединили свои капиталы и построили большую мельницу, которая работает на дизельном моторе. И если раньше за помол пшеницы или ржи полагалось платить одну двадцатую часть от всей полученной муки, а за помол ячменя — одну шестнадцатую, то теперь владельцы мельницы повысили плату. За размол пшеницы и ржи они стали брать одну семнадцатую долю, а ячменя — одиннадцатую. Повышение цены они обосновывали тем, что помол на мельнице, работающей на дизеле, якобы лучше и мельче, что крестьяне теряют при этом меньше времени и т. д.²³ Большие доходы получают богачи деревни Инсуйу (Центральная Анатолия), которые построили водяные мельницы²⁴. Турецкий писатель Махмут Макал, описавший быт турецкой деревни в послевоенное время, сообщает, что в одном из районов Центральной Анатолии «на сотню деревень имеется лишь четыре мельницы»²⁵.

¹⁸ P. Stirling, A death and a youth club: fending in a Turkish village, «Anthropological quarterly», vol. 33, No. 1, 1960, p. 65; егo же, Turkish village, p. 50; N. Berkes, Bazı Ankara köyleri üzerinde bir araştırma, Ankara, 1942, s. 122. Право на распашку и обработанную своим трудом землю характерно для многих народов Передней и Средней Азии. Так, М. С. Андреев пишет, что «в то время как поливные земли точно разграничены по владению между различными хозяевами, земли неполивные может запахивать и возделывать, засевая рожь, всякий желающий». См.: М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, часть II, Душанбе, 1958, стр. 38.

¹⁹ W. Ruben, Указ. раб., стр. 374.

²⁰ N. Berkes, Указ. раб., стр. 122.

²¹ P. Stirling, Указ. раб., стр. 50.

²² X. de Planhol, Указ. раб., стр. 320; N. Erdentuğ, Hal köyünüm etnolojik tetkiki, Ankara, 1956, s. 20; H. Z. Koşay, Alaca-Höyük, «Anadolunun etnoğrafya ve folkloruna dair malzeme», Ankara, 1951, s. 14.

²³ P. Stirling, Указ. раб., стр. 71.

²⁴ W. Ruben, Указ. раб., стр. 375.

²⁵ Махмут Макал, Наша деревня. Записки турецкого учителя, М., 1951, стр. 37—38.

В сельской Турции продолжает бытовать взаимопомощь, которая называется *imese*. Интересно само происхождение этого термина от греческого *ἡμίθεα* — половина. А. Титце пишет, что это аграрный термин византийского периода, который означает «половинить» (т. е. принимать участие, помогать)²⁶. В настоящее время *imese* означает коллективную работу или взаимопомощь. Так, все жители деревни помогают друг другу при посадке виноградника или сада, а также при обработке их. Они оказывают помощь в случаях свадебных приготовлений, похорон и т. д.²⁷. О большом значении взаимопомощи в турецкой деревне можно судить хотя бы по тому, что в Турции существует специальная поговорка: *bir el hiç iki el güç üç imese* — «одна рука ничего (не значит), две руки — трудно (работать), три руки — взаимопомощь»²⁸. Взаимопомощь широко распространена у многих народов Передней и Средней Азии, а также Кавказа. Интересно отметить, что в деревнях Азербайджана один из таких видов взаимопомощи называется «имеджелик». Однако у азербайджанцев этим словом обозначается взаимопомощь только при женских работах²⁹. Турецкий экономист С. Бодур пишет, что взаимная помощь и коллективная работа встречаются почти в каждой турецкой деревне³⁰. Многие турецкие авторы, проводившие полевые исследования в деревнях Турции, описывают различные виды взаимопомощи.

Наиболее распространенным видом взаимопомощи является *ortaklık*. Дж. Тютенгиль так описывает *ortaklık* в деревне Ихсанне (вилайет Анталыя). В этой деревне во время жатвы две семьи договариваются между собой о совместной уборке урожая³¹. В Карсском вилайете, как сообщает М. Кёсе, сходную форму взаимопомощи также называют *ortaklık*. Она организуется тогда, когда одно крестьянское хозяйство не имеет всего необходимого для ведения земледелия. Например, у одной семьи есть земля и посевной материал, однако нет рабочего скота. У другой семьи земли мало или совсем нет, но есть рабочий скот и орудия труда. Эти две семьи, основываясь на обычном праве, заключают соглашение, которое предусматривает определение долей участия, и затем работают совместно. Полученный урожай делится в соответствии с установленными долями. Такое соглашение обычно заключают на год³². В деревне Хал (вилайет Элязыг) все односельчане весной по очереди окапывают виноградники друг у друга³³. Об интересной форме взаимопомощи (нечто подобное в Средней Азии называется «хошар») сообщает турецкий исследователь И. Гезер. В деревне Серик-Займлер, пишет он, хлопок окучивают в течение лета три раза. Окучивание крестьяне производят сообща, переходя по очереди с поля одного хозяина на поле другого. Чье поле будут мотыжить на следующий день — решают накануне вечером. Хозяин поля должен приготовить хорошее угощение для всех, кто будет ему помогать. Во время работы хлопкоробы поют особые песни, ритм которых совпадает с ритмом работы³⁴.

²⁶ A. Titze, Einige weitere griechische Lehnwörter im anatolischen Türkisch, «Nemeth armagğan», Ankara, 1962, s. 375.

²⁷ Y. Z. Demirci, Anadolu'da eski düğün ve evlenme adetleri, İstanbul, 1938, s. 20; С. О. Тütengil, İhsaniye köyü incelemesi, «Sosyoloji dergisi», No 9, 1954, s. 58; М. Көсе, Karsta ortak çalışma gelenekleri, «Türk dili», sayı 155, 1964, s. 824; В. А. Гордлевский, Османская свадьба, Избр. соч., т. IV, М., 1968, стр. 109.

²⁸ Abdülkadir (Inan), Birinci İlmî seyahate dair rapor, İstanbul, 1930, s. 12.

²⁹ К. Т. Каракашлы, О пережитках древнего института взаимопомощи в Азербайджане, «Известия АН АзербССР», серия общественных наук, No 2, 1958, стр. 42.

³⁰ С. Бодур, Указ. раб., стр. 51.

³¹ С. О. Тütengil, İhsaniye köyü incelemesi, «Sosyoloji dergisi», No 9, 1954, s. 58.

³² М. Көсе, Karsta ortak çalışma gelenekleri, «Türk dili», sayı 155, 1964, s. 824.

³³ N. Erdentuğ, Указ. раб., стр. 46.

³⁴ I. Gezer, Serik-Zaimler köyünde çapaçılık, «Türk folklor araştırmaları», No 159, 1962, s. 2878.

В ряде случаев деревенские богачи используют традиции коллективной работы в своих интересах. Уже в последнем приведенном примере совместного мотыжения хлопка содержится скрытая эксплуатация, так как зажиточные крестьяне имеют большие площади под хлопком, чем бедняки. Следовательно, последние тратят гораздо больше труда и времени на обработку полей богачей, чем своих собственных. В районе Никсара (северная часть Центральной Анатолии), сообщает Х. Айдын, практикуется коллективная уборка урожая, однако не для всех односельчан, а только для «самых уважаемых людей», которыми в деревне обычно считаются староста и кулаки. На коллективную уборку приходят все взрослые (от 100 до 150 человек). Перед началом работы выбирают из наиболее искусных жнецов вожака — *egleçibası*. Он становится во главе жнецов и задает тон всей работе. После обеда и непродолжительного отдыха все снова работают до ужина, который готовят прямо у поля. По традиции такая коллективная уборка урожая — время веселья и радости. Хозяин поля готовит хороший обед и праздничный ужин, приглашает на вечер музыкантов³⁵. Возможно, это остатки древней земледельческой традиции — праздника уборки урожая, который был широко распространен у всех народов, занимающихся земледелием.

В Восточной Анатолии для подъема залежных земель употребляют тяжелый плуг — *kotan*, в который запрягают в зависимости от размеров плуга от 3 до 10 пар волов. Естественно, что даже среднее крестьянское хозяйство не может иметь такого количества тягового скота. Поэтому на время пахоты объединяются несколько хозяйств, как правило, из родственников или близких соседей. Отметим, что как название самого плуга — *kotan*, так и объединение крестьян для работы на нем — *mod-gağ* заимствованы из грузинского языка³⁶.

Широко распространены в Турции временные объединения крестьянских хозяйств на период заготовки продуктов на зиму. Так, для быстрой и экономной заготовки продуктов на зиму во многих турецких деревнях создаются объединения, артели из нескольких семейств. Такие объединения называются *hap* (*hab*). Сущность этого объединения заключается в том, что весь дневной удой молока всех входящих в артель хозяйств отдается одному семейству, затем очередь переходит к другому и т. д.³⁷. Отметим, что такие объединения для заготовки молочных продуктов на зиму характерны для многих народов Передней и Средней Азии. Они есть у таджиков, а также у армян, причем у последних называются тоже *hap*³⁸. Эти объединения весьма характерны для народов, которые издавна занимаются земледелием.

Такие же объединения из нескольких семейств создаются при заготовке булгура, т. е. дробленой пшеницы, на зиму после сбора урожая. Так как заготовка продуктов на зиму женское дело, то для заготовки булгура собираются только женщины³⁹.

Как известно, земледелие во многих районах Турции невозможно без применения искусственного орошения. По сообщению ряда исследовате-

³⁵ Н. Айдын, Nixsar orak zamanı, «Türk folklor arařtırmaları», No. 157, 1962, s. 2818.

³⁶ М. Көсе, Karsta kotan, «Türk folklor arařtırmaları», 1963, No. 169, s. 3148; «Народы Кавказа», т. II, серия «Народы мира. Этнографические очерки», М., 1962, стр. 240.

³⁷ Abdülkadir İnan, Har. İktisadî bir adet, «Halk Bilgisi Haberleri», 1929, s. 12—13; Н. З. Коşая, S. Kılıç, Güzelova (Erzurum) etnoğrafya ve folkloruna dair No. 1. notlar, «Türk Etnoğrafya Dergisi», 1965, No. 6, s. 77.

³⁸ Е. М. Пещерева, Молочное хозяйство горных таджиков и связанные с ним обычаи, сб. «По Таджикистану», вып. 1, Ташкент, 1927; Н. А. Кисляков, Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков в бассейне р. Хингоу, «Известия Таджикского филиала АН СССР», No 15, 1949; «Народы Кавказа», т. II, серия «Народы мира. Этнографические очерки», М., 1962, стр. 470.

³⁹ М. Турап, Camıřlı köyünde bulgar çekimi, «Türk folklor arařtırmaları», 1965, No 195, s. 3946—3947.

лей, турецкая деревня может выступать как коллективный собственник оросительной системы. Деревня в этом случае следит за состоянием оросительных каналов и сооружений, а также за распределением воды⁴⁰. Так, Н. Гёкниль, исследовавший район Биледжика (Западная Анатолия), сообщает, что жители деревень коллективными усилиями проводят воду как для орошения полей, так и для других потребностей⁴¹. По словам английского исследователя Дж. Пирса, в деревне Демирджилер (Центральная Анатолия) содержание в порядке более или менее крупных оросительных сооружений является обязанностью общедеревенской общины. В то же время за меньшими каналами, которые проходят по частным полям, должны следить владельцы этих участков⁴².

Отмеченное выше положение нашло отражение в аграрном законодательстве страны, где сказано, что расходы по установке, проводке и содержанию водных источников должна оплачивать вся деревня. Управлением и распределением воды в деревне занимается деревенский совет старейшин — *ihtiyar heyeti* (выборный административный орган)⁴³. В законе № 3039 от 11 июня 1936 г. сказано: «Чтобы крестьянин, желающий сеять рис, получил воду, составляющую общественную собственность деревни, или для продажи ему этой воды, необходимо прежде всего постановление деревенского схода»⁴⁴.

Как правило, вся деревенская община в лице старосты или упоминаемого выше совета старейшин устанавливает порядок распределения воды для орошения и поручает определенным лицам (или нанимает их) осуществлять контроль за распределением воды⁴⁵. Таких лиц называют — *sucu basi*.

Приведенные материалы позволяют утверждать, что общинные отношения все еще бытуют в современной турецкой деревне и оказывают определенное влияние на развитие экономики сельского хозяйства в Турции.

SUMMARY

Survivals of community relations in the villages of modern Turkey are examined. The study is based on field data gathered by Turkish and western researchers. The tenacity of these survivals and their influence over the evolution of social relations in Turkey are noted. The problem of their genesis is posed.

⁴⁰ J. E. Pierce, *Life in a Turkish village*, New York, 1965, p. 32; N. Göknil, *Bilecik bölgesi, Tuzaklı köyün*, «Sosyoloji dergisi», 1943, No 2, s. 320.

⁴¹ N. Göknil, Указ. раб., стр. 320.

⁴² Y. E. Pierce, Указ. раб., стр. 32.

⁴³ А. Д. Новичев, *Аграрное законодательство в Турции*, Тбилиси, 1942, стр. 19—20.

⁴⁴ Там же, стр. 85.

⁴⁵ X. de Planhol et H. Inandik, Указ. раб., стр. 381.